

Людмила БРАГИНА

г. Белгород

ИЩЕДЛЯЮЩАЯ СИЛА

рассказ

1

Вчетвёртом часу солнечный свет стал более приглушённым, словно укрылся матовой прозрачной вуалью. Зимний день короток, и я старалась в выходной успеть сделать побольше дел, накопившихся за неделю. Наконец выдохлась и прилегла на кровать. Жаль было тратить время на сон: уснёшь на часочек — глаза откроешь, а за окном уже темно, никаких сияний и переливов от солнца, потом до утра только жёлтое однообразное свечение люстры под потолком. Поэтому я лежала, смотрела в окно и наслаждалась покоем и сладкими, мерно накаत्याющими волнами полудрёмы.

Но ведь не может быть так хорошо человеку вечно! Зазвонил телефон.

— Привет. Я вернулась из Питера, если что.

Это Валя. Мы подруги со школьной парты.

В седьмом классе я перешла в другую школу. Район, куда мы переехали с мамой, был, что называется, пролетарский. В облупившихся хрущёвках жил пьющий рабочий люд и их отпрыски. Летом, выходя на балкон, я каждый раз видела одну и ту же безрадостную картину: посреди заросшего сорной травой двора три контейнера для пищевых отходов. Чуть поодаль, под старым тополем, грубый деревянный стол, над ним лысые и седые макушки мужиков в застиранных майках, играющих с утра в карты или домино. Иногда это сонное и тягучее происходящее разбавлялось двумя сценариями: медным лязганьем и глухими ударами похоронного оркестра или пронзительным воем милицейской сирены.

Мой новый классный руководитель, учитель физики Иван Петрович Шивотов, узнав, что я хорошистка, посадил меня к самому отпетому нарушителю дисциплины, который, как я узнала позже, был на два года старше всех и недавно вернулся из колонии для несовершеннолетних. Это было сделано для его исправления путём моего благотворного влияния. Игорь Зайцев — так его звали. Меня это соседство вгоняло в состояние ступора. От него мерзко воняло табаком, он вертелся и бузил на уроках, хорошо еще, в школе появлялся редко. Чаше его видели на школьном стадионе, где он с такими же оболтусами гонял мяч. В классе говорили, что отца у него нет, брат сидит в тюрьме, а мать не

2

работает. Вскоре за кражу сахара в ближайшем гастрономе «Восход» Игорь снова был задержан и в школе больше не появился.

Через некоторое время Иван Петрович подобрал ещё одну кандидатуру на исправление — светловолосого щупленького мальчика с лёгкой улыбкой будто не от мира сего. С первого взгляда Виталик Калинин мог даже показаться дурачком, но его серые глаза смотрели внимательно и пылливо, временами в них проскакивали озорные искры. Он оказался матёрым прогульщиком-путешественником. У него была кличка Расмус-бродяга, которая удивительно точно ему соответствовала, было даже внешнее сходство с главным героем недавно вышедшего приключенческого фильма. А скорее всего, ещё и сам он выбрал киногероя за образец для подражания. Руководству школы периодически приходили сообщения из линейных отделений милиции железнодорожных станций с разных сторон нашей необъятной родины, где Виталика сняли с поезда. География его путешествий была непредсказуема.

В общем, получалось так, что в основном я сидела за партой одна, открытая всем враждебным ветрам, как сказал когда-то Саша Чёрный. Не у кого ни списать, ни спросить, ни просто почувствовать человеческое тепло рядом.

Наконец неугомонный классный руководитель посадил меня с девочкой. На этот раз миссия моя была неясна. Я знала, что одноклассницу зовут Валя Коваль, учится на тройки, молчаливая, скрытная.

Она исподлобья настороженно взглянула на меня и ничего не сказала. Я тоже промолчала. Мы сидели, как два волчонка, стараясь не смотреть друг на друга. После уроков, уже выходя со школьного двора, мы оказались рядом, и Валя, стесняясь, предложила:

— Давай дружить? Я читать люблю, а ты?

— Конечно, давай! Я очень люблю читать, — сразу согласилась я.

И с этой минуты до самого выпускного мы не расставались ни на день. Наши дома находились на одинаковом расстоянии, но в разных сторонах от школы, поэтому мы после занятий задерживались возле калитки обсудить новости, договориться, что мы будем делать, когда встретимся после обеда.

Сейчас мы с Валею живём на разных концах города, встречаемся реже, в основном общаемся по телефону, но в курсе всех событий из жизни друг друга.

Год назад Валя дочь вышла замуж. Поработав вместе с мужем на нашу среднеарифметическую провинциальную зарплату, при которой будь ты хоть трёх пядей во лбу, а хоть и змий о трёх головах, больше не заработаешь, молодожены решили попытаться счастья в Северной столице. Лёгкие на подъём, решительные, — мне даже немножко завидно прошлым числом, — они ещё до отъезда из родного города нашли на Букинге квартиру в Питере, а на досках объявлений — работу и уехали.

По мессенджерам особо не наговоришься, не насмотришься, поэтому, подгадав, когда у ребят отпуск, а у родной тётки день рождения, Валя махнула к дочке на недельку в гости. Везучая!

— ...Ну, расскажи, — прошу я, прижимая к уху трубку, — какой он теперь, Питер?

— Он прекрасен. Ноги только гудят! — слышу радостный голос подруги.

— Помню, ноги нужны страусиные...

Я говорю это больше для того, чтобы подержать разговор. Когда мы с Валею были школьницами, ездили в Северную столицу. Какие в шестнадцать лет проблемы с прогулками на дальние расстояния? В первый раз мы отправились в гости к этому каменному красавцу, обласканному мировой славой, на летних каникулах после девятого класса. Тогда мы были готовы бегать с утра до вечера по проспектам и набережным, Ботаническому, Александровскому, Летнему садам...

По утрам, просыпаясь в квартире Валиной тётки на Московском проспекте, я рассматривала лепнину на четырёхметровом потолке и представляла, что уснула в музее.

Вспомнилось, как мы с подругой зачарованно блуждали по улицам белыми ночами, похожими на жидкий чай, разбавленный молоком, и наши поездки на катере в Петергоф, бьющий в небо искрящимися брызгами фонтанов.

Снова я удивилась: и как наши родители тогда отпустили нас одних?..

3

То лето выдалось для нас фантастически невозможным! Его не смог бы описать ни один сочинитель, а уж они-то вытягивают из своих перегретых мозгов мира — уменьшают или увеличивают обычных людей, вытягивают им уши, приставляют на макушку антенны или зачем-то окрашивают в синий цвет...

За время нашего гостевания на Питер не упало ни единой дождинки. Нева и каналы блистали кобальтом и золотом лиможского фарфора.

Мы с Валею были абсолютно свободны, юны и легки. До осени далеко — мысли о надвигающемся новом учебном годе не заземляли наши юношеские восторги. Об уроках, учебниках, скучной школьной форме мы не думали вообще.

Утром мы заходили в кофейню. Наш пробуждающийся Питер пах свежесваренным кофе и теплым молоком, круассанами, а ещё — тёплыми духами марки «Нина Ричи», которые стояли у неё на туалетном столике. Мы по капельке заимствовали их из флакона с голубками на крышке. Аромат назывался «Воздух времени» — терпкий, но в то же время нежный, он полностью совпал с духом тех беззаботных романтических дней.

А потом из Питера мы вернулись в свой родной город. Дома отдохнули, отоспались. Встретились на следующий день. У меня сжалось сердце, когда я увидела Валю. Свет её зелёных глаз померк, будто и не было тех счастливых каникул, она вела себя скованно, на лице — напряжение. Я сразу догадалась, что случилось.

В самом начале нашей дружбы, узнав, что мы с мамой живём вдвоём, Валя искренне воскликнула: «Какая ты счастливая, у тебя отца нет!» Я тогда смолчала, даже обиделась, но потом не только поняла, но и во многом согласилась с ней.

Дело в том, что я росла без отца, мама развелась с ним, когда мне было семь месяцев. Отца мне не хватало. Сколько себя помню, наравне со сказками я обожала смотреть американские фильмы. А в них самые любимые кадры — когда вся семья собирается за столом вокруг румяного пирога, или, радостные, счастливые, они отправляются в путешествие, — и пусть там будут опасности и приключения, но обязательно всё закончится хэппи-эндом. Моё внимание было сосредоточено на главе семьи — подтянутом, уверенном, мужественном. Он был готов прийти на помощь,

дать совет, защитить свою семью от всех опасностей, как Джон Мэтрикс из «Коммандо». Но фильмы — это позже, в отрочестве. А в три-пять лет мне просто очень хотелось к папе на ручки, а ещё чтобы он дарил игрушки и сапожки.

Те мечты об отце не отпускали меня лет до восемнадцати, периодически я возвращалась к ним. В новой школе мне было неуютно и одиноко, и я думала: «Вот пришёл бы папа, он бы поговорил по-мужски с моими обидчиками». А когда воскресным вечером я приползла с дачи домой, в голове крутилось: «Вот если б был отец, он помог бы вырыть эту ненавистную картошку в два счёта, а мы с мамой потом надели бы нарядные платья и пошли в кино...» И тому подобное.

4

Дядя Коля — так звали Валиного отца — работал на заводе столяром, это вредная и даже опасная для здоровья профессия. Перед глазами складывается картинка: просторная мастерская, за верстаком — молодой человек в кожаном фартуке с мускулистыми руками, он работает рубанком, от которого расходятся волны золотистой кудрявой стружки. Если взглянуть правде в глаза, именно такие молодые люди, как и другие мастеровые, специалисты в своём деле — электрики, слесари, газовики, нередко и спиваются. Таких нужных специалистов часто оплачивают спиртным. Кстати, столяр Джузеппе, сказочный «родитель» деревянной куклы Буратино, любил заложить за воротник.

Выглядел дядя Коля так, что мог сойти скорее не за Валиного отца, а за дедушку, — сутулый, щупленький, наполовину беззубый. Он возвращался домой нетвёрдой походкой, в такие моменты на лице его блуждала бессмысленная пьяная улыбка. Если мы были в это время во дворе, Валя мгновенно скукоживалась, отворачивалась и старалась встать так, чтобы он её не заметил и не стал окликать, по-дурацки размахивая руками.

Потоптавшись немного у своего подъезда, дядя Коля заходил внутрь. Дома он сам готовил ужин — обычно жарил на сале несколько яиц, а потом брал алюминиевую кружку и шёл к соседке по лестничной площадке бабе Нюре.

По факту столяр дядя Коля получал двой-

ную зарплату — обычную, полагающуюся по закону, и серую — пусть в «жидкой», но ничуть не менее твердой валюте, чем наш деревянный рубль. В то время даже школьники знали, что за магарыч можно и рассчитаться за услуги, и «достать» любой дефицит, хоть чёрта с рогами. Люди затаривались надёжными платёжными «денежными единицами», хранили их в заглазниках и холодильных «сейфах». Пока народ проклинал «минерального секретаря», выставив за алкоголем очереди длиннее, чем к мавзолею, самогонщики сметали с полок весь сахар. Бутылка государственной «беленькой» подорожала с трёх шестидесяти до девяти рублей, а поллитровка косорыловки обходилась в пятьдесят копеек при смешных расходниках — бидон и ванна. И такой расклад наглядно подтверждал высказывание: «Нет такого преступления, на которое не пойдёт бутлегер ради прибыли в триста процентов».

Вот и для дяди Коли в соседской квартире, то есть прямо за стенкой, варилось ведьминское зелье, бурлило и капало из подколодного змеёвика. Вернувшись от бабы Нюры, он ставил чугунную сковородку с яичницей на разделочную доску, брошенную на облезлую изодранную клеёнку. Дядя Коля выпивал сначала половину кружки самогона. Затем ел, чавкая, подтирал текущие слюны куском хлеба, после этого опрокидывал в рот кружку с оставшимся самогоном и закусывал вареньем.

Обычно Валя и её мать, тётя Оля, на это время старались куда-нибудь уйти. Если же они оставались дома, то ни уроками, ни хозяйством заниматься не могли — пьяный дядя Коля начинал докапываться до них с идиотскими разговорами. Кривя шербатый рот, причмокивая и шепелявя, он вспоминал старые обиды, которые происходили от неуважения к нему, трудовому человеку, который ради них, жены и дочери, горбатится всю жизнь. Потом его лицо шло пятнами, глаза наливались кровью, он оскорблял и обвинял их во всех несправедливостях жизни, пока самогон бабы Нюры не срубал его.

И тогда вспомнила я об одном средстве — мне бабушка про него рассказывала...

5

Мне было тогда лет десять. Шли летние каникулы, и в один из погожих благодатных деньков мы с бабушкой выбрались на дачу. Для городского ребёнка вроде меня каждая такая поездка становилась приключением. Чистый воздух, простор, пение птиц вызывали восторг, вдохновляли и окрыляли. Бабушку я просто обожала, её хорошее настроение заряжало энергией, она рассказывала так много интересного, что мне постоянно хотелось у неё учиться.

— Ты смотри, середина лета, а земля с зимы никак не просохнет, — сокрушалась она, прохаживаясь по дорожкам, заросшим всевозможной растительностью. — Не дача, а болото. Совсем закислилась земля, уже и плаун вылез!

— Какой плаун? — спросила я.

— Плаун-баранец, — бабушка показала на маленький травянистый кустик-«ёлочку» с крошечной зелёной шишечкой наверху. — Он у нас по оврагам, сырым сосновым лесам да по окраинам болот рос.

Бабушка сорвала один побег, густо покрытый узкими кожистыми листочками, и протянула мне. «Ёлочка» была жёсткой, прохладной и маслянистой на ощупь.

— Бабки-ворожки его высоко ценили, — просветила она меня.

— А за что, расскажи! — мне стало любопытно.

— Придёт к ним какая-нибудь горемычная, у которой муж пьёт. Рада ворожке и последнее, что осталось, отдать, в ноги кидается, просит помочь... Вот бабка ей настою баранца и даст, и научит, как, когда и куда налить...

— И что?

— У Ивана и Федота от спиртного будет рвота. Отвар из него добавлял пьяндыгам в еду и питьё, а потом их так выворачивало, что не только пить, и глядеть не могли, самого слова боялись! А иногда из плаунов и венки плели на кладбище, — задумчиво продолжила бабушка, — руки помой после него, ядовитый он.

6

Вот тот давний разговор и всплыл в моей памяти, когда увидела расстроенную подругу. Я рассказала ей о том средстве, от всего сердца

желая помочь исцелить дядю Колю от злого постыдного недуга.

— Валь, а ведь сейчас как раз время: плаун-баранец в августе-сентябре собирают и сушат. Может, съездим на дачу? Вдруг найдём?

— А ты знаешь, как отвар правильно готовить? — спросила Валя.

— В принципе, да, — ответила я. — Все отвары примерно одинаково готовят на водяной бане. Их охлаждают, вынимают траву и доводят количество жидкости до первоначального объёма. Тут только надо, чтобы он после отвара спиртного выпил...

— Ну, за этим дело не станет, — горько усмехнулась Валя.

Через пару часов на автобусе с дачи мы возвращались домой, везли в полотняной сумочке зелёную охапку для будущего лекарства.

Втайне от моей мамы сушили его у меня на балконе. На боковой полочке я постелила чистую бумагу, разложила каждую «ёлочку» отдельно и накрыла сверху слоем марли, чтобы на растение не попадали прямые солнечные лучи. Несколько дней я усердно следила, чтобы маме ничего не понадобилось на балконе. Один раз в самый последний момент успела перехватить тазик с постиранным бельём — вызвалась сама повесить его, хотя обычно терпеть не могла это дело.

Когда моей мамы не было дома, мы с Валею приготовили отвар, перелили его в маленькую бутылочку. Пора было приступить к лечению...

7

Мы обе были у Вали, поджидая возвращения «пациента». И вот после неверного скрежета по замку, бряцанья падающих на пол ключей, кряхтения, чертыханья и возни дверь распахнулась.

«Лекарство» ждало своего часа в кармане старенького Валиного халата.

— О-о, у нас хозяйшкы дома! — преувеличенно радостно вскричал дядя Коля. — Сейчас вечерять будем!

— Ага, — закивали мы, улыбаясь и усыпляя его бдительность.

Дядя Коля грохотнул сковородкой по плите, мигом нашинковал сала, туда же — три здоровенных луковицы.

От такого запаха мы с Валею зашмыгали но-

сами и отошли к дверям. Что-то напевая себе под нос, дядя Коля достал лоток с яйцами и начал разбивать. Первое яйцо ударил о бортик сковородки, последующие об угол плиты, а последнее о стену. При этом дядя Коля периодически оборачивался на нас, изображая из себя лихого повара-виртуоза.

И вдруг он задержал на нас мутный взгляд, покачал головой:

— Э, нет, так не пойдёт! Кто не работает — тот не ест! — он поманил нас заскорузлым пальцем. — Вы тут последите, чтоб не пригорело, а я сейчас!

Захватив неизменную кружку и хитро подмигнув в дверях, дядя Коля выскочил на площадку.

— У нас минуты три всего, — шепнула Валя и достала бутылочку.

— Давай на яичницу, на хлеб набрызгаем, остальное — в компот. На стол его поставим — может, выпьет... — предложила я.

Мы только всё успели, и сразу хлопнула дверь: Валин отец возник на пороге кухни с кружкой ценного содержимого.

— Будете? — с воодушевлением обратился к нам. — Чего ж за стол не садитесь?

— Так мы пойдем уроки делать, — насупилась Валя, испытывая стыд за родителя.

— Эх, молодёжь! — усмехнулся дядя Коля. — Вам бы всё бежать да бежать... А отца уважить — этого нет...

И, махнув рукой, он принялся ужинать.

Мы ушли в Валину комнату, сидели тихо, как мыши, прислушивались и ждали. Сначала из кухни донесся звук резкого выдоха, затем — утробное бульканье, позвякивание вилки, причмокивание, икота и бормотание. Несколько раз подряд дядя Коля чихнул. Потом установилась тишина. Мы боялись выглянуть из комнаты. Минуты тянулись долго.

— Может, он заснул за столом? — шёпотом предположила я.

— Ага, как же! — тоже шёпотом, но со злостью отозвалась Валя.

И тут с кухни раздался глухой протяжный стон. Мы с Валею вздрогнули и схватили друг друга за руки.

Стон перешёл в подвывание, теперь он прозвучал ближе.

Мы выглянули из комнаты: посреди зала с безумной гримасой стоял дядя Коля. Все

спирты его организма восстали, пройдясь огненной лихорадкой по всему тощему дрожащему телу. Худое лицо его побурело, потом побледнело и стало похоже на мумию. Изо рта пошла слюна, по лбу градом тёк пот.

И тут дядя Коля схватился за живот и бросился в туалет.

«Баранец же ещё и слабительное! — осенило меня. — Бабушка ведь тогда говорила: проносное! И мочегонное! Ой, что же мы натворили...»

Шатаясь от слабости, похожий на зомби из «Живых мертвецов», «пациент» вышел из туалета, но вдруг сложился пополам и с приступом рвоты кинулся обратно к унитазу. В перерывах между спазмами он клял кого-то, но слов нам было не разобрать: к туалету подойти мы боялись. Когда дядю Колю вроде как отпустило, на четвереньках он пополз к дивану. Тело его дрожало и подёргивалось, как будто через него пропустили ток. Дядя Коля попытался встать, но забарахтался, задрогал ногами, глаза закатились, он растянулся на полу и затих.

Мы с Валею взвизгнули, вылетели из квартиры и через двор помчались вызывать скорую к соседнему дому, где был телефонный автомат. Когда вернулись, в квартиру не вошли. Пока не приехали врачи, мы, испуганные, торчали в коридоре на лестничной клетке.

Минут через десять по лестнице стали подниматься мужчина и женщина в белых халатах.

— Сюда, сюда! — торопила их Валя. — Тут человеку плохо.

Едва зайдя в квартиру, мужчина окинул цепким взглядом обстановку, лежащего в той же позе на полу дядю Васю, повёл носом и, скрипя шпильками, бросил:

— Перебрал, — заключил доктор.

Дебелая фельдшерица поставила на стол серебряный чემоданчик с красным крестом, открыла его, достала пузырёк с нашатырём, смочила ватку и сунула под нос лежащему: дядя Коля мотнул головой, но глаз не открыл.

— Челове-еку... — протянула она с явным осуждением. — Люди ради этого человека чемоданы по десять килограммов с этажа на этаж таскают, а другие люди с инсультами и инфарктами ждут, а тут плохо ему... — и уже тише продолжила: — Кто он вам?

Валя вздрогнула, покраснела и сжалась:

— Отец.

— Собери его документы и самые необходимые вещи. Поезём в больницу промывать желудок.

8

Всю неделю, пока Валин отец находился в больнице, мы чувствовали себя главными фигурантами дела «врачей-отравителей» и каждую минуту ждали, что за нами придут. Тётя Оля ничего о нашем лиходеястве не знала. Она сходила к дяде Коле в больницу, потом сказала дочке, что его скоро выпишут. Впрочем, мне Валя сообщила эту новость довольно уныло.

Но всё же мы с подружкой поверили в чудесное действие плауна-баранца.

Дядя Коля вернулся из больницы посвежевший, но всё же иногда у него дрожали руки.

Потом он вышел на работу. Вечером его первого рабочего дня мы никуда не пошли, ждали его возвращения и гадали: вернётся ли он к своему прежнему ритуалу или нет? От нетерпения мы попеременно выглядывали в окно, вглядываясь в каждого, кто появлялся во дворе. — Первой его увидела Валя.

— Идёт! Трезвый, что ли, не пойму...

Дядя Коля шёл медленно, понуро опустив голову, шаркая ногами. Через несколько минут входная дверь открылась, на пороге показался мрачный и угрюмый Валин отец. Он в сердцах бросил ключи на полку. Однако, обнаружив нас дома, повеселел и взбодрился.

— Спасибо, девочки, что спасли меня. Не будь вас, я бы тут концы отдал, а так всё ещё жив, не помер. Есть хотите?

Мы отказались, но невзначай прохаживались мимо кухни и подглядывали, стараясь не пропустить главного.

На ужин тётя Оля заранее сварила кашу, и дядя Коля осторожно положил себе на тарелку. Жевал, глядя в одну точку, словно решая для себя какой-то исключительно важный вопрос. Его охватила та же идея, что и Родиона Раскольникова в отношении старухи-процентщицы.

Сполоснув тарелку, он потянулся было к алюминиевой кружке, но сморщился от отвращения и перевёл взгляд на ящик с инструментами, на котором сверху лежал тяжёлый плотницкий топор.

Тут вернулась домой тётя Оля. Переобувшись в прихожей, она с улыбкой заглянула на кухню.

– Ну что, моя каша вкуснее, чем в больнице, а, Коль?

А он по привычке схватил кружку и, проскочив мимо жены, выбежал из квартиры.

Всё кипело у него в душе. С ненавистью он вдавил кнопку звонка и держал, пока за дверью не послышалось недовольное:

– Да иду, не голоси, горит тебе...

Баба Нюра открыла дверь, абсолютно не подозревая, какая страшная участь ожидает за порогом. Едва она высунулась в проём, как дядя Коля взмахнул рукой. Инстинктивно отпрянув, старуха дёрнула головой, а кружка просвистела мимо её уха, как снаряд, сопровождаемый потоком ругани.

Дядя Коля цапнул соседку за ворот вязаной кофты, заодно прихватив крупной ладонью жидкий седой крысиный хвостик, и выволоч на площадку.

– Говори, старая карга, что намешала в своё пойло? Из чего гнала? На чём настаивала? – В его голосе скрежетал металл Великого Инквизитора.

Королева шмурдяка выпучила глаза и стала божиться, что не меняла испытанный и проверенный годами рецепт и никаких новых ингредиентов не вносила.

– Димедрол, небось, добавляла? Куриный помёт сыпала? Воду из батареи наливала? Говори, чёртова кукла!

Дядя Коля всё трепал её за шкуру и норовил стукнуть кружкой по голове, но уже с гарантией

не промахнуться. Баба Нюра плакала и отбивалась. Потом вырвалась и резво помчалась вверх, отчаянно тарабанила во все двери с криком: «Убивают! Милиция! Спасайте!»

Дядя Коля со злой улыбкой и одержимостью Терминатора гнался за ней, перескакивая через две ступеньки:

– Вызываешь огонь на себя? Тогда ори громче! – кричал он.

9

Наш телефонный разговор с Валею давно завершен. Мой мобильный всё ещё лежал на столе.

– ...В эфире «Военное ревью». С вами говорит полковник Баранец! – сквозь белый шум воспоминаний пробился до моих ушей бравый голос из маленького радиоприёмника.

Я потрясла головой, пытаюсь выскользнуть из событий прошлого и вернуться в настоящее.

Взглянула на окно: сгущались осенние сумерки. А рядом со мной на кухне суетился Станислав, мой муж. На столе стояла дымящаяся тарелка борща. Он в предвкушении потёр руки, затем достал из холодильника чекушку водки.

– Ох, и продрог я... Октябрь уж наступил, дохнул осенний хлад...

Я посмотрела на его раскрасневшееся лицо, рюмку, полочку с гомонящим приёмником...

– Баранец, говоришь, ну-ну...

□

Людмила Петровна БРАГИНА

родилась в Белгороде.

Окончила филологический факультет

Белгородского государственного университета.

Пишет стихи, прозу.

Автор четырёх поэтических книг, сборника песен.

Публиковалась в коллективных сборниках, в журналах

«Наш современник», «Нижний Новгород», «Парус», «Нева» и других.

Лауреат премии «Молодость Белгородчины» (1995),

Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012).

Руководит молодежной литературной студией.

Член Союза журналистов и Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

